

ИМЯ РОЗЫ – КНИГОЛЮБИЕ

В.И. Шаховский, В.И. Супрун

В статье анализируется роман известного итальянского философа, теоретика культуры, специалиста по семиотике и средневековой эстетике, литературного критика, писателя и публициста Умберто Эко «Имя розы». Авторы определяют главной темой этого произведения любовь к книге, к знаниям и считают центральным событием – пожар, уничтоживший библиотеку. В текст статьи включены размышления авторов о жизни современного общества, о кризисе в гуманитарной области, об утрате бумажной книгой своей притягательной силы. Рассматривается также причины выбора У. Эко названия для романа, которое остается до самого его конца непонятным и таинственно магическим. В статье предлагается название (имя) для розы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имя розы, библиотека, книга манускрипт, пожар, соперничество монастырских библиотек, цифровая книга, чувственная рефлексия

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета. shakhovsky2007@yandex.ru

СУПРУН Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. suprun@vspu.ru

Цитирование: Шаховский В.И., Супрун В.И. Имя розы – книголюбие [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 1–31. Режим доступа: www.tverlingua.ru

THE NAME OF ROSE IS THE LOVE OF BOOKS

Victor I. Shakhovsky, Vasilii I. Suprun

The article analyzes the novel of the famous Italian philosopher, theorist of culture, specialist in semiotics and medieval aesthetics, literary critic, writer and

publicist Umberto Eco (1932-2016) “The Name of the Rose”. The authors define the main theme of this work as love for the book, for knowledge and consider that its central event is the fire destroying the library. The text includes the authors' reflections on the life of modern society, the crisis in the humanitarian field, the loss of the paper book of its attractive force. We also consider the reasons for the choice of U. Eco name for the novel, which remains incomprehensible and mysteriously magical to the very end. The article suggests a name for the rose.

KEY WORDS: the name of the rose, the library, the book manuscript, fire, the rivalry of monastic libraries, digital book, sensual reflection

SHAKHOVSKY Victor I. – DSc in Philology, professor, Honoured scientific worker of the Russian Federation, senior scientific worker of the Institute of Modern Languages of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. shakhovsky2007@yandex.ru

SUPRUN Vasilii I. – DSc in Philology, professor of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University. suprun@vspu.ru

Citation: Shakhovsky V.I., Suprun V.I. The Name of the Rose is the love of books // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2018, № 4. – P. 1–31. Access mode: www.tverlingua.ru

1) *«Чтение книг делает нас лучше»: умнее, добрее, эмпатичнее.*

2) *«Книга - лучший подарок».*

3) *«Любите книгу - источник знаний»*

(народные мудрости)

Недавно по Волгоградскому радио передали такую новость: В Волгограде не хотят читать и, прежде всего, бумажную книгу. Все уткнулись в планшеты, компьютеры, мобильники. Журналисты изобрели для этих гаджетов креатему – *дебильники*. А Советский Союз был самой читающей страной в мире: люди читали везде – в парке, общественном транспорте,

метро, самолёте; в каждой квартире была личная библиотека, чем люди, и особенно дети, очень гордились и много рассказывали о своих книгах. По всей стране были сотни тысяч библиотек, а работа библиотекаря была очень почётной, так же как и в анализируемой нами книге У.Эко.

Ныне на смену бумажной книге пришла цифровая. Бумажные издания стали никому не нужными; домашние библиотечки выбрасываются на мусорки, их даже не принимают никакие библиотеки. Такова оборотная сторона культурной цивилизации и технического прогресса – века гаджетов: в СМИ и Интернете то и дело мелькает креатема – *гад-же-ты!* (см., например: АиФ: Здоровье, 2016, 19 янв.). Учёные говорят о философии гаджетов, которые «захватили миллионы пользователей и стали символом нового поколения молодёжи не только в развитых странах» (Сидякин, Соловьёв, 2013: 34). При этом А.А. Залевская определяет смысловое восприятие как «единый процесс взаимодействия восприятия и понимания с опорой на многогранный чувствительный и рациональный индивидуальный и социальный предшествующий опыт реципиента текста» (Залевская, 1988: 7). Другими словами, по А.А. Залевской, восприятие должно опираться на зрение, тактильные ощущения и другие чувства, связанные с чтением бумажной книги, которая является «живой» в отличие от мерцающей холодной цифровой.

Роман итальянского философа, теоретика культуры, специалиста по семиотике и средневековой эстетике, литературного критика, писателя и публициста Умберто Эко (1932-2016) «Имя розы» многократно интерпретировался в современной философии, социологии, культурологии и литературоведении (см.: Крупенина, 2005; Мачужак, 2006; Носачев, 2009; Ерохина, 2012; Мальчуков, Мальчукова, 2013 и др.). Обычно это произведение называют философско-детективным романом. Автор и сам дважды пытается донести до читателя основной смысл «Имени розы», при этом в духе постмодернизма усложняя понимание и затрудняя восприятие произведения.

В «Заметках на полях “Имени розы”» он связывает идею постмодернизма и, следовательно, своего романа с двойным кодированием: «Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюблённого в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей “люблю тебя безумно”, потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива Барбары Картленд (популярная английская писательница, автор 662 любовных романов. – В.Ш., В.С). Однако выход есть. Он должен сказать: “По выражению Барбары Картленд – люблю тебя безумно”. При этом он избегает деланной простоты и прямо показывает ей, что не имеет возможности говорить по-простому; и тем не менее он доводит до её сведения то, что собирался довести, – то есть, что он любит её, но что его любовь живёт в эпоху утраченной простоты» (Эко, 2005а). В книге «Откровения молодого романиста» он ещё более усложняет интерпретацию своей книги: «Возможно, план мой состоял в том, чтобы умножить вероятное число прочтений названия до такого количества, когда любое из них становится неприменимым, а в результате я породил бесконечную и неизбежную последовательность интерпретаций. Как бы то ни было, текст теперь живёт собственной жизнью. Эмпирическому автору следует помалкивать» (Эко, 2013).

Продолжим и мы поиск интерпретаций романа итальянского писателя и внесём в эту сознательно созданную бесконечность восприятий ещё одно представление о его смысле и предназначённости. Мы полагаем, что основной темой романа Умберто Эко «Имя розы» был не детективный сюжет, а пожар библиотеки в аббатстве, описание роли и значения книги для монастырей и для каждого монаха, то есть **книголюбие** в Средние века. А детективный сюжет остаётся всего лишь фоном и причиной того страшного события, которое произошло в библиотеке. Поэтому столько страниц посвящено трепетному отношению монахов к манускриптам, отсюда и

выделение огромной роли библиотекаря, который был вторым человеком в аббатстве, т.е. весьма уважаемым и почитаемым.

На наш взгляд, Умберто Эко предсказывает будущее, которое ожидает книгу (точнее даже – Книгу). В романе повествуется о манускриптах, о соперничестве между монастырями на право иметь лучшую библиотеку, о тайне знаний, которые содержались в книгах, о яростной борьбе людей, имеющих противоположные взгляды на тогдашнее миропонимание, об аргументативных силлогизмах.

Среди множества тем, раскрываемых параллельно историко-детективному нарративу, автор даёт детальное описание аббатства, его архитектуры и топографии: *храмины, церковь, кельи, трапезная, библиотека, конюшня, купальня, примонастырские поселения, скриптории, читальные залы*. Писатель в мельчайших деталях описывает повседневную жизнь монахов и аббатского духовенства, послушников, их быт, одеяние, распорядок жизни, их обычаи и традиции.

Описывает он и их тайную жизнь, их греховные дела, ничего не приукрашивая, не скрывая, пишет с предельной откровенностью, обрисовывая жизнь данного монастыря как она есть. У. Эко рассказывает о различных событиях, происходящих в монастыре, главным из которых является серия убийств самых известных в этой обители монахов. Он показывает жизнь монастыря, насыщенную не только криминальными событиями, но и высоко эрудированными, компетентными философскими диспутами о космосе, о Боге, о еретиках, инквизиции, пытках и пыточных подвалах, в которых пытали и казнили грешников, о важности и греховности смеха, о том, смеялся ли Иисус Христос, и о том, как он относился к смеху, об имуществе Христа и апостолов и о том, должны ли церковные иерархи и высокопоставленные монахи владеть личным имуществом. Много дискуссий проходило по поводу глаголов *иметь* и *владеть* в их отношении к имуществу: монахи разграничивали эти два понятия.

Очень горячая дискуссия разгорелась о месте женщины и о её пороках, из чего явствовало ярко выраженное негативное отношение монахов к месту женщины в обществе в Средние века. Обсуждали они и вопрос о травниках и об отравлениях травами, которые не оставляли никаких следов преступления, ибо всё зависело от дозы препарата при лечении травами. Отметим, что и в последующие за описываемыми событиями века, включая и XXI, травники стали ещё более изощрённо выполнять свою лечебную и преступную роль.

Эти дискуссии, как их описывает автор, проходили в аббатстве продолжительно, довольно экспрессивно, горячо, с огромным количеством эмоциональных аргументов в виде силлогизмов, которыми диспутанты владели в совершенстве, что свидетельствует об их высокой грамотности, риторической компетентности, умении отстаивать свою точку зрения и не соглашаться друг с другом; дело доходило порой даже до скандалов и драк (что несколько похоже на современные ток-шоу с той лишь разницей, что теперешние «говорящие головы» не владеют ни красноречием, ни эрудицией, ни аргументацией, ни знаниями).

Описание таких дискуссий не только познавательны, но и заразительны. Читатель не понимает, какую точку зрения принять, так как не владеет содержанием той литературы, к которой монахи всё время обращаются, цитируя авторов, не известных современному читателю. Всё это свидетельствует о широкой и глубокой начитанности и очень высокой грамотности обитателей монастыря.

Большое место в книге уделяется описанию монастырской рутины: чтению молитв в кельях, богослужениям, церковному хору и другим монастырским ритуалам. Особый интерес вызывает у автора тайная ночная жизнь монастырского придворья, с тайными ходами как внутри монастыря, так и за его пределами. Среди множества тайных дел и секретных обстоятельств автор подробно описывает способ тайной записи и переписки между монастырями, кодами которых владело ограниченное количество коммуникантов.

Казалось бы, Умберто Эко изобрёл смешанный жанр. В книге описываются разные события: жизнь монастыря, серийные убийства, пороки монахов при их высокой культуре, грамотности и эрудиции, амбивалентность их психологии, пожар в монастыре, уничтоживший лучшую библиотеку Средневековья, серия греховных преступлений, черты персонажей – жителей монастыря и множество деталей средневековой империи, интриги, борьба за власть и многое другое.

О романе «Имя розы» написано много и выдающимися, и малоизвестными авторами. Впервые в России о нём узнали, кажется, в 1982 году, когда Е.А. Костюкович, ставшая главным переводчиком произведений итальянского писателя на русский язык и научным редактором переводов его искусствоведческих произведений, опубликовала в известном в узких кругах журнале «Современная художественная литература за рубежом» рецензию на эту книгу, вышедшую за два года до этого в Италии (Костюкович, 1982).

Потом ещё 6 лет потребовалось на подготовку романа к изданию в Советском Союзе, он был опубликован в трёх номерах журнала «Иностранная литература» за 1988 год (Эко, 1988), а на следующий год вышел отдельной книгой в издательстве «Книжная палата» тиражом в 300 тысяч экземпляров в несколько странной серии «Детектив-2» (Эко, 1989). В журнале предисловие написал Вяч. В. Иванов, который попытался определить связи У. Эко с другими постмодернистами: «С символикой библиотеки толкователи романа связывают причудливую (мне, признаюсь, до сих пор не совсем, по сути, понятную) игру имён и атрибутов, заставляющую как-то соотносить Хорхе в романе с великим писателем Борхесом. Возможно, что эта (в данном случае бьющая через край и допускающая любые критические толкования) игра понадобилась Эко для того, чтобы отчетливее выявить в Хорхе испаноязычное начало. <...> Особенно же трудно передать своеобразие мешанины романских языков в речи Сальватора, где мне мерещится явное влияние на Эко любимого произведения всего современного поставангарда – “Поминок по Финнегану”

Джойса» (Иванов, 1988). В книжном издании послесловие написал Ю.М. Лотман, озаглавив его «Выход из лабиринта» (Лотман, 1989).

В 1993 году вышли два издания русского перевода романа «Имя розы» в Санкт-Петербургском издательстве «Фолиант» и Минском «Сказ». В 1998 году вышло в свет в Санкт-Петербургском издательстве Symposium новое издание с послесловиями Е.А. Костюкович. (Костюкович, 1998) и Ю.М. Лотмана (Лотман, 1998), который отмечал, что «в романе У. Эко события развиваются совсем не по канонам детектива <...>. В конце концов вся “детективная” линия этого странного детектива оказывается совершенно заслонённой другими сюжетами» (Лотман 1998: 651). В XXI веке в том же издательстве Symposium роман «Имя розы» издавался чуть ли не ежегодно.

В критических статьях и рецензиях подробно описывается сюжет этого многопланового, познавательного и увлекательного романа, возбуждающего богатое воображение читателя и вызывающего непреодолимое желание последовать рекомендациям Умберто Эко – читать каждое произведение неоднократно. В своей книге «Роль читателя» У. Эко указывает, что при каждом новом прочтении одного и того же текста, читатель проникает всё в более глубокие его смысловые слои и снимает всё новую и новую информацию о деталях содержания романа, которые при других чтениях он не замечал. Это, по мнению писателя, позволяет эксплицировать всё новые и новые эмоционально-эстетические смыслы произведения (Эко, 2005). При этом для каждого читателя они индивидуальны, и в этом плане каждый читатель является соавтором Умберто Эко: он вступает в эмоциональное переживание автора, каждого из его персонажей, событий, включается в общее эмоциональное поле всего произведения, становясь его неотъемлемой частью. Речь идёт о едином эмоциональном пространстве автора текста и читателя: происходит их единение на эмоциональном поле.

Значительное место в формировании этого единого эмоционального поля занимает специфическая лексика романа, соотносящаяся со средневековым дискурсивным периодом. Такой дискурс воссоздает события

именно того времени (исторический фактор), в романе отражается их ситуативная специфика и используется соответствующая тому времени референтная лексика, фразеология, синтаксис, риторические фигуры, цитации из древнейших не всем теперь известных учёных, писателей, поэтов: Аристотель, бенедектинский монах Беда, Аверроэс, Марон, Присциан, Гонорат, Донат, Максим, Викторин, Метрорий, Евтихий, Сервий, Фока, Аспер, Адельм Мальмберийский и др., упоминания имён императоров, пап, прочих правителей и деятелей христианства того отрезка времени, когда происходят описываемые события, и предшествующих эпох: Климент V, Иоанн XXII, Целестин V, Бонифаций VIII, Иннокентий, Фома Аквинский, Иаков Кагорский, Филипп Красивый, Роберт Неаполитанский, Михаил Цезенский, Людовик Баварский, Фредерик Австрийский, Бернард Ги, остгот Экгарт, английский чернокнижник Бранусертон, имперские богословы Марсилиус Падуанский и Иоанн Яндунский, имперский наместник Каструччо, герцог Луккский и Пистойский, Угуччон из Фаджолы, Шарр Колонн и мн. др. Одни из них упоминаются вскользь, списком, других автор представляет читателям более развёрнуто: «Это Вергилий Тулузский, ритор, шестой век после Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Считался великим знатоком».

Поскольку детективная история разворачивается в одном из аббатств итальянской провинции в Средние века, автор широко употребляет монастырскую и церковную лексику в описании структуры аббатства, зданий, помещений, правил, обычаев, действий, событий, манеры поведения, одежды и т.п. Всё это используется автором как стилистический приём, создающий атмосферу, колорит of the then period, обращая взор читателя в те далёкие времена. Стивен (Иштван) Ульман утверждал, что «words are mile stones of history» – «слова – мильные вехи (верстовые столбы) истории». И, действительно, вся использованная историческая лексика позволяет Умберто Эко через эти «камни» отразить ту эпоху, в которой происходят описываемые события (передадим их в русском переводе): *капитолярий*,

млечный полог, конюшни, кельи, послушники, монахи, град Божий, странноприимный дом, богоспасаемые места (монастыри), нартекс капитулярной залы, лицезрел, скрипторий, хризопразы, астролябия, капитулярная зала, травщик и др. Переводчице пришлось немало потрудиться, чтобы передать некоторые фрагменты текста на русский язык: «Он утверждал, что существует двенадцать научных наименований пламени: огнин, зарит, варин (так как превращает сырое в варёное), кипятин, жарин (от слова жар), трескотин (от треска поленьев), алин (от алого цвета), дымон, палин (от глагола палить), оживин (зане мертвецов, членов коснувшись, оживляет), кремнин (ибо из камня добывается, хотя из кремня неверно сказано, из искры берётся) и ещё – энеон, от Энея бога, в пламени живуща, одушевляюща сей элемент».

Поскольку события происходят в монастыре, естественно, что автор красочно описывает главные действия в нём и в аббатстве в целом: *богослужения, канонический час, хоровое пение, чтение Библий и манускриптов* (в келье и в библиотеке), *отстоять хвалитни; басовитый звук заполнял собою нефы; плачения, которые тут звучат; луч светильника, месса, сойти в хор, куколи, апокалипсис, светородящий, гумор, сатурналия, прокураторы, туника, смутные ереси* и др. Данная лексика, естественно, извлечена неполностью из текста, но уже и в качестве примеров она даёт достаточно полные представления об описываемом аббатстве, строениях, функциях и каждодневной жизни его обитателей.

У нас нет возможности подробно описать также подземные ходы, тайные двери и комнаты, отдельные многоэтажные здания, ограды, примонастырские поселения, поведение как монахов и послушников, так и монастырских слуг и их взаимоотношения с монастырскими крестьянами и женщинами, и особенно тайную жизнь монастыря, с которой столкнулись Вильгельм и Адсон.

Автор отказался от модели примитивизации детективного сюжета. Вокруг него Умберто Эко накрутил громадный клубок исторических фактов

из церковной, монастырской и аббатской жизни Средневековья. Рассказ об этой жизни он усложняет стилистически разнообразным описанием ещё одной сферы средневековой жизни: высоконачными, эрудированными, риторически обогащёнными диалогами и полилогами с демонстрацией владения всеми правилами дискуссии путём насыщения её научными аргументациями. Споря о смехе Иисуса Христа, его богатстве и владении имуществом, монахи используют цитаты из произведений многочисленных авторов, излагающих противоположные точки зрения, опираются на латинские, греческие цитации и силлогизмы.

Писатель показал способность обитателей аббатства отстаивать свою точку зрения, их умение не соглашаться друг с другом, доходя не только до очень горячих речей, но даже и до рукопашных битв: «Ты слышал, что в те времена однажды риторы Габунд и Теренций пятнадцать дней и пятнадцать ночей дискутировали о звательном падеже в “я” и в конце концов подрались».

Приведём образцы словосочетаний из таких дискуссий: *каждый утвердился на своём сидище; высокопарная тропа извращённого разума; невежественное сумасбродство; кризис божественного порядка; распушенные умы; не затуманивая понятия блудливыми словесами* и т. п. В дискуссии беспрестанно используется слово *космос*. Уже в Средние века оно прекрасно осознавалось просвещёнными монахами и осмысленно употреблялось как научный аргумент дискуссии. Другим аргументом было словосочетание *глухая и липкая материя*, используемая как критика схоластики.

Многократно возвращаясь к описанию монастыря и аббатства, У. Эко время от времени вспоминает об архитектуре, снова и снова описывая каждое строение в таких деталях, что у читателя вызываются в воображении образы этих строений. Среди этих образов особое место занимает описание библиотеки, что показывает, какое место занимала она в жизни данного монастыря и всех его монахов. Не сразу, а через определённые промежутки

текста и описание различных ситуаций автор по мелким деталям вскрывает грандиозность этой библиотеки.

В самом конце романа он пишет: «Это была самая большая библиотека христианства». Этот факт читатель осознаёт не сразу, а через множество деталей. Складывается устойчивое впечатление, что все повороты сюжета, все перипетии средневековой жизни, описаниям которых был посвящен этот роман, являются вторичными, а тема библиотеки является центральной, ключевой. Фактически она является скрепой этого романа и отражением жизни того времени. У читателя создаётся впечатление, что все остальные темы являются лишь фоном для описания библиотеки монастыря. С большим пиететом, даже восторгом Умберто Эко сообщает об отношении героев романа к книге: «Часто останавливались, рассматривали, что на полках, и так как сегодня Вильгельм – со своими новыми стёклами на носу – имел возможность читать сколько пожелает, он хватал книгу за книгой и при каждом новом названии испускал восторженный возглас: либо оттого, что видит знакомую книгу, либо оттого, что видит книгу, которую давно искал, либо, наконец, оттого, что видит книгу, о которой никогда не слышал. От возбуждения и любопытства он почти не владел собой».

На фоне нынешнего отношения к библиотеке и книге, когда живую книгу вытеснила цифровая, мерцающая перед глазами и не позволяющая сосредоточиться над смысловыми нюансами текста, дающая лишь общее представление о мёртвом тексте (трейлер), испытываешь глубочайшую тоску по живой книге, бумажной: когда её открываешь, печатные буквы оживают, создают объём восприятия, от листа исходят запахи, биотоки предыдущих читателей, и возникает эффект того, что ты сам живой среди этих букв и строчек. Листая такую живую книгу, ты чувствуешь своё собственное движение по линии книги, ощущаешь дыхание персонажей и их телесное присутствие, испытываешь соприкосновение с ними и чувственную рефлексию. Цифровая книга представляется нам мёртвым кладбищем с блуждающими огнями и мистическими зомби. Она не возбуждает тех

переживаний, которые в ней изображены. Эти чувства рационализированы и не соответствуют реальной жизни персонажей. Живой человек и робот имеют лишь внешнее подобие. У них нет эмоционального, духовного родства и сходства: факты могут быть общими, но их экспрессивно-эмоциональная оценочная стилистика не совпадает.

Монастырская библиотека в романе таинственна: в неё могли входить только Христос и аббат (а также библиотекарь). В библиотеке было много таинственных ходов. Она на ночь закрывалась, и ни один монах не мог пройти в неё. Это была одна из систем её охраны. Ключи были только у аббата и библиотекаря. На ночь библиотекарь закрывает дверь на засов изнутри, но сам на ночь там не остаётся – значит, есть тайный выход, о котором никто не знает, кроме аббата. В библиотеке было много залов: скрипторий, где монахи переписывали манускрипты, читальный зал, в котором царил мертвенная тишина глубоко внимательного чтения монахов. Даже шелест страниц манускриптов не был слышен, с такой любовью и почтением монахи бережно переворачивали их. Такая тишина свидетельствовала о громадной любви и уважении монахов к книгам. Трудно сравнить эту атмосферу с базарным шумом в современных студенческих библиотеках: книга потеряла уважение к себе, обесценилась.

В библиотеке существовал каталог всех книг, с которыми работали монахи. Хотя библиотека была очень большая, отыскать нужную книгу было несложно. Каталог служил путеводителем по библиотеке. Библиотека состояла из нескольких залов. В каждом зале были закрытые книжные шкафы. Каждый зал имел свое название, код, греко-римское обозначение. Были в библиотеке и свои тайники, о которых рядовые монахи и не ведали. За некоторыми шкафами находились эти тайники и тайные лестницы. Библиотека представляла собой лабиринт, из которого выбраться было трудно. Где-то в центре лабиринта была тайная комната, которая называлась «предельная Африка». По слухам, в ней хранилась какая-то тайная книга,

которая была причиной серий убийств и расследовать которую было поручено Вильгельму.

Ещё раз отметим, что, на наш взгляд, этот детективный сюжет послужил автору всего лишь причиной, стимулом для описания Средневековья, а главной темой романа была ода книге, гимн библиотеке. На это указывают и те высоко эрудированные дискуссии, которые проводились в аббатстве; они опирались на глубокие книжные знания монахов, распознающих противоречия, которые содержались в работах цитируемых ими авторов. У. Эко удалось показать, с каким огромным вниманием монахи черпали знания из своих монастырских библиотек, как любовно и бережно хранили они манускрипты, как красиво их упаковывали (одевали), с каким вниманием их переписывали и хранили. Монахи подолгу сживали в библиотеке, старательно прочитывая манускрипты, вникая в их содержание. Они с благодарностью предавались этому труду. Монахов-затворников искушает жажда знаний, при этом им было положено с тихим смирением лишь внимать древним книгам.

Автор с восхищением описывает библиотечное богатство монастыря: пышные списки манускриптов, энциклопедии, книги о сотворении мира, о происхождении Земли и о чудесах. Умберто Эко свидетельствует о радости и восхищении человека, попавшего в библиотечные залы: «Повернув снова, мы вступили в скрипторий из северной башни, и я вскрикнул от восхищения. Второй этаж не был разгорожен, как нижний, и открывался взору во всей поместительности. Гнутые вольты, не слишком большие (меньшие, чем в церкви, но более высокие, чем в любой виденной мною капитулярной зале), укрепленные мощными пилястрами, замыкали пространство, залитое изумительным светом от трёх огромных окон в каждой большой стене и от малых окошек в каждой из пяти граней каждой угловой башни. Ещё восемь вытянутых высоких окон, выходивших во внутренний восьмиугольный колодец, давали дополнительное освещение. Благодаря изобилию окон всё громадное помещение выглядело весёлым. Свет поступал со всех сторон, не

было ни теней, ни полумрака, хотя серый зимний день уже близился к своему закату».

Вильгельм пытается понять, что же происходит в этом монастыре, в котором монахи живут среди книг и ради них: они их хранят, изучают, переписывают и совершают преступления из-за книг: «Мы живём ради книг. Сладчайший из уделов в нашем беспорядочном, выродившемся мире». В аббатстве существовало воспроизводство книг. Здесь манускрипты переписывались, что считалось святой работой в скриптории, но монахи алкали новизны и хотели сами писать новые книги. Они стремились к новым знаниям, своим собственным открытиям. Они хотели, чтобы их новые познания становились тайной для других монастырей. Библиотека была вместилищем тайных знаний.

В романе речь идёт о книге, о существовании которой знало мало монахов, но никто её не видел и не читал. Она была написана то ли на греческом, то ли на латинском языках и содержала якобы сведения, знания, которые разрушили бы нравы в монастыре. Из этого читатель может сделать вывод, что эти нравы были не столь уж высоки. Об этом можно судить также и по описаниям различных прегрешений монахов этого аббатства. Можно также подозревать, что в этой опасной книге что-то было и об Аристотеле и даже об отношении самого Иисуса Христа к смертным.

Хорхе, старейший из монахов, видимо, знал содержание книги и место её нахождения. Она была спрятана ото всех монахов, и читатель подозревает, что этим местом была потайная зала – «предельная Африка». Этот читальный зал находился в центре лабиринта, в него никто из обитателей монастыря не мог попасть. Всё-таки монахам удалось её отыскать. Но прочитать никому книгу не удалось, так как их кто-то жестоко убивал.

Вильгельм обнаружил убийцу и даже увидел эту книгу в его руках, но спасти её ему не удалось: вначале Хорхе вырывал листы из книги и засовывал их себе в рот, затем в ходе детально описываемой длительной борьбы старый монах решил уничтожить книгу окончательно: «Он толкнул

горящую масляную лампу на стол, заваленный манускриптами и высушенным пергаментом. Фонарь упал на самую середину кучи книг, ссыпавшихся со стола и валявшихся одна на другой в распахнутом, растрёпанном виде. Масло потекло из лампы. Огонь мгновенно схватился за хрупкие пергаменты, как за связку сухих сучьев. Все случилось в течение нескольких секунд. Книги вспыхнули с такой яркостью, как будто их тысячелетние страницы с незапамятных времен вождедали очистительного пламени и ликовали теперь, найдя возможность утолить лютую жажду пожара».

Натиск огня распространялся, и уже на книжных полках изгибались от жара переплёты. Огонь молниеносно распространялся и на другие полки. Кованые застёжки переплетов распахивались от буйного огня. Испепеленный пергамент кружился среди пылающих сородичей, помогая зажигать всё новые и новые листы.

Хорхе кинул в огонь книгу Аристотеля. Вильгельм пытался её спасти. Но от книги почти ничего не осталось. Читатель остается в неведении: был ли это оригинал книги или библиотечная копия. Из контекста романа мы узнаём, что никто и никогда не видел второй книги Аристотеля «Поэтика», в которой оправдывался страшный грех – «смех», о котором размышляют монахи, обращаясь к имени Иисуса Христа.

Роман показывает читателю, что уже в Средневековье существовали противоположные взгляды на миропорядок и что эти взгляды были непримиримыми, враждебными. Этот факт доказывает, что ничего в мире с тех пор так и не изменилось ни в политике (современные враждебные отношения между государствами), ни в церкви (распри между разными конфессиями, даже внутри одной, например, православной). Английский писатель Ричард Олдингтон написал книгу, которую назвал «Все люди – враги» (Олдингтон, 1983). К сожалению, и сейчас все мы являемся живыми свидетелями этого явления: природа человека не меняется к лучшему.

Вся библиотека аббатства сгорела дотла, а это была лучшая из библиотек средневековых монастырей. Возникает вопрос: действительно ли эта книга Аристотеля была так опасна для человечества, или это было лишь мнение одного человека, выжившего из ума монаха. А из первого вопроса вытекает второй: не был ли этот эпизод предтечей намеренного сжигания книг инквизицией и её последователями. Напомним, что католический Латеранский собор 4 мая 1515 года издал буллу «*Inter sollicitudines*», в которой призывалось уничтожать сочинения, «переведённые с греческого, древнееврейского, арабского или халдейского как на латинский, так и народные языки, книги, содержащие искажения вероучения и вредоносные догмы <...>, равно как клеветнические пасквили против особ высокого ранга», правда, не во всех католических странах она ревностно исполнялась (Лозинский 1986: 275). Печально известны также сожжения книг с марта по октябрь 1933 года в 70 городах фашистской Германии. Кульминация произошла 10 мая, когда под «огненные речёвки» (*Feuersprüche*) студентами 34 немецких университетов были брошены в костёр книги писателей, публицистов, учёных, всего 313 авторов (Weidermann, 2008). Книги дают знания, а знания, как известно, опасны для власть имущих. Ю.М. Лотман отмечает: «История цивилизации знает ряд периодов подобных эпидемий страха: они были известны Средним векам, они охватили Западную Европу в XIV-XVI веках, затмив её небо дымом костров, они создавали тот психологический фон, на котором тоталитарные правительства XX века смогли осуществлять кампании массового террора» (Лотман, 1998: 668).

Пожар аббатской библиотеки был столь стремительным, а его описание в книге столь жестоко и беспощадно, что сердце современного читателя-книголюба не может не обливаться кровью. Поведения монахов во время пожара беспомощно и жалко: «Николай направлял скотников в одну сторону, но кто-то из монахов, движимый самыми добрыми намерениями, гнал их в противоположную». У. Эко ёмко и красочно описывает эту бестолковую деятельность, вызывая чувственную рефлексию читателя: «Люди бестолково

метались во все стороны, многие бежали с голыми руками вверх по винтовой лестнице и сталкивались с другими, которые с такими же голыми руками, движимые безрассудным любопытством, уже побывали наверху, а теперь спускались за какой-нибудь посудиной. Более расторопные с самого начала запасались вёдрами и ковшами и лишь после этого обнаруживали, что воды в кухне явно недостаточно. <...> Весь монастырь был охвачен ужасом. Но это было только начало катастрофы. Торжествующая, рокошующая огневая туча, вывалившись из окон и через крышу потонувшей в огне Храмины, на крыльях ветра пронеслась по воздуху и обрушилась на перекрытия церкви» – почти каждое слово в этом отрывке является эмотивом, воссоздающим из набора пазлов ужасный калейдоскоп торжествующей клокочущей тучи огня, которую невозможно было побороть кувшином воды: библиотека была неизбежно приговорена к смерти, а заодно с ней умирает и аббатство.

Описывая пожар в библиотеке, автор использует богатые изобразительные средства, даёт яркий образ огня, пожирающего зафиксированные в книгах знания: «очень и очень затрёпанные книги высывали из своих переплётов, как из разинутых ртов, языки телячьей кожи, засохшие за много десятилетий». Обратим внимание на два экспрессива: *высовывали* в сочетании со словом *переплёты* (нестандартная дистрибуция и необычные эмоциональные валентности семантики этих двух лексем, олицетворение) и необычное сравнение *как <...> из ртов языки* (тоже авторская дистрибуция и потенциальная валентность, усиление олицетворения).

Считаем, что эпизод пожара был главным в анализируемом романе Умберто Эко, равно как и предшествующие ему многочисленные описания обожествления книг монахами, их любви к книгам, их огромной жажды к знаниям, которые хранили эти книги, осуществляющие межпоколенную трансляцию зафиксированных в них знаний.

Аббаты похвалялись друг перед другом богатством своих библиотек, соревновались в этом. Монастыри соперничали один с другим многознанием,

полученным в библиотеках. Жестокое описание огненной лавы, в мгновение ока сожравшей всё это богатство, эту роскошь монастыря, представляется чудовищной стилистической контроверзой Умберто Эко, беспощадной для чувств, эмоций ранимого читателя.

Библиотека аккумулирует огромный объём знаний, который, по средневековым представлениям, огромному количеству людей недоступен. Не является ли наше современное стремление к познанию грехопадением, а то, что происходит в современном мире, его результатом? Но знание – не монета, которая стирается от обращения: оно распространяется с помощью языка, осуществляется его межпоколенная трансляция. Знания постепенны: человеку дано владеть только крупницами знаний о природе и о себе самом. Американский биолог (нейролог) Филипп Хайтович, например, заявляет, что люди почти ничего не знают о своём мозге: его изученность наукой составляет менее 1%.

Умберто Эко описывает интересный, необычный для Средневековья и даже в некотором роде таинственный аксессуар для чтения манускриптов – так называемые стёкла – громоздкие, грубые – прообраз будущих очков. Не все монахи могли читать книги, особенно на греческом и латинском языках. Прежде всего, немногие знали эти языки, но немаловажным фактором было отсутствие стёкол, без которых монахи не могли прочитать книги. Кроме того, на многие знания в Средние века была наложена печать запрета и недозволенности. А, как известно, запретный плод – сладок: такова была природа человека и остаётся такой же. Отсюда и страстная греховная тяга монахов к таинственным знаниям и попытки обойти все запреты и страхи, связанные с ними, и проникнуть ночью в библиотеку. Библиотеку защищал лабиринт, из которого монах, попытавшийся тайно проникнуть к книгам, мог и не выйти никогда, о чём свидетельствуют груды скелетов в коридорах лабиринта. Но тяга к знаниям у монахов была столь велика, а библиотека хранила в своих манускриптах такие знания, что даже возможная гибель на пути к ним не останавливала многих жаждущих.

Согласно контенту романа, основной целью познания монахов была таинственная книга «Поэтика», в которой оправдывался один из, по мнению одной из сторон диспута, самых страшных грехов – смех. Многие монахи хотели познать оправдание этого греха и освободиться от страха, висевшего над ними дамокловым мечом: «Венанций, который прекрасно знает... который прекрасно знал греческий, сказал, что Аристотель нарочно посвятил смеху книгу – вторую книгу своей Поэтики, и что, если философ столь величайший отводит смеху целую книгу, смех, должно быть, – серьёзная вещь. Хорхе сказал, что святые отцы часто посвящали целые книги грехам и что грехи тоже серьёзная вещь, но и дурная, а Венанций сказал, что, насколько ему известно, Аристотель говорит о смехе как о хорошей вещи и проводнике истины, а тогда Хорхе спросил с издевкой, не читал ли он случаем эту книгу Аристотеля».

Увы, современное человечество утратило ощущение таинственности знаний. Они открыты для всех, и потому людям неинтересны, а количество грехов перешло все воображимые границы. Фактически они всё больше не наказуемы ни разумом, ни законом, ни общественной моралью. Понятие совести поблекло, добродетель оскудела, страх исчез. Доминируют зависть, ненависть, греховные страсти.

В монастырской библиотеке было тайное обозначение книг в каталоге, понятное только библиотекарю: «Я догадался, что первая цифра обозначает положение книги на полке, полка определяется по второй цифре, по третьей – шкаф, а словами, по-видимому, обозначены комнаты или коридоры книгохранилища. И тут же решил расспросить поподробнее об этих последних таинственных обозначениях. Малахия глянул на меня сурово: “Вы либо не слыхали, либо не запомнили, что вход в библиотеку дозволен только библиотекарю. А посему достаточно и даже необходимо, чтоб библиотекарь один разбирался в этой цифири”». Из этого можно сделать вывод, что библиотека была сутью жизнедеятельности аббатства, а не только его главным богатством. Отсюда ещё один вывод для читателя – библиотека

была жизнью аббатства, без неё в нём не было и жизни. Вот так ценилась в те времена книга как один из высших даров, данных человеку! Изменения формы книги на цифровую (как известно, форма значима) изменило и её валёр.

Это была самая большая библиотека христианства, теперь антихрист возобладает, потому что нет больше знаний, чтобы ему сопротивляться. И, может быть, он уже возобладал, потому что овладевающих знаниями становится всё меньше, а злых дел всё больше и больше. Появилось даже новое слово *злобр*, из которого видно, что добра у людей становится всё меньше и меньше: сочувствие, добродетель, бескорыстие, совесть уходят из душ человеческих, из жизни социума. Можно даже сказать, что от золотых дел человечество склонилось вначале к золотым стульям, а потом к золотому тельцу, который и стал главной скрепой неэкологичных деяний.

Многие межпоколенные знания, заключенные в библиотеках, со временем были преданы забвению. Прежде всего это касается гуманитарных, филологических знаний. Например, снова обращаются к правилам человеческого общения, к урокам красноречия, которые теперь как бы открываются заново в новой науке – коммуникологии (Матьяш, 2014; Шаховский, 2014; Сидорская 2008; Межличностная коммуникация, 2011 и др.). Но на самом деле никаких новых открытий ни в этой науке, ни в прагмалингвистике современным учёным получить не удаётся, всё было определено в прошлом. А переводоведение как наука прекратило своё развитие ещё в конце прошлого века.

В начале статьи мы писали, что книги делают нас лучше, добрее, умнее. Сейчас мы являемся свидетелями того, что отказ человека от чтения живых книг ведёт к обратным процессам, а именно – к деформации человеческой личности, ослаблению памяти, утраты человеческой привязанности друг к другу, разрыву родственных связей, забвению своих корней и своей истории и потере многих других душевных качеств – истинных скреп между различными поколениями. Не происходит ли в нас, в

нашем обществе процесс возрождения примитивного времени «хлеба и зрелищ» (*panem et circenses*), осуждённого ещё во II веке н. э. древнеримским поэтом-сатириком Ювеналом: «Этот народ уж давно ... все заботы забыл, и Рим, что когда-то / Всё раздавал: легионы, и власть, и ликторов связки, / Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: / Хлеба и зрелищ!» (Ювенал, 1989).

Книга Умберто Эко – высшая похвала Знанию, напоминание человечеству о том, какую великую роль сыграли книги, закрепляющие знания и передающие их от поколения к поколению, воспитывающие человека, адаптирующие его к новым жизненным условиям. По мнению Ю.М. Лотмана, «подлинным героем романа является Слово. По-разному ему служат Вильгельм и Хорхе. Люди создают слова, но слова управляют людьми. И наука, которая изучает место слова в культуре, отношение слова и человека, называется семиотика. “Имя розы” – роман о слове и человеке - это семиотический роман» (Лотман, 1998: 669). А.А. Залевская считает, «что жизнь слова как достояния человека, познающего мир, чувствующего, мыслящего и эмоционально-оценочно переживающего всё воспринимаемое, напрямую связана с тем, что лежит за словом в памяти индивида как члена социума и личности, адаптирующейся к естественному и социальному окружению при взаимодействии тела и разума, по закономерностям нейрофизиологической и психической деятельности и под контролем принятых в культуре норм и оценок» (Залевская, 2014).

Все текстологи и текстолингвисты утверждают, что любое художественное произведение имеет строго определённую логическую структуру: заголовок, начало, сюжет, персонажи, его развивающие, серия ситуаций, завязка, развязка (кульминация), конец. Иногда бывают эпилоги и прологи. В переводных художественных произведениях могут быть в конце текста комментарии. И самое главное – название должно сразу же определять содержание произведения. Последнее никак нельзя сказать об анализируемом произведении У. Эко «Имя розы». Название никак не

соответствует содержанию романа ни на первый, ни на второй, ни на третий взгляд. И это делает произведение ещё более загадочным и непонятным. Отсюда тысячи вопросов к самому автору и сотни комментариев разных исследователей. И даже вынужденные собственные комментарии У. Эко, казалось бы, разъясняющие тайный смысл названия своего романа, на самом деле заставляющие каждого нового читателя искать этот множественный смысл в заголовке. Итальянский писатель явно знал мысли русского мыслителя и литературоведа М.М. Бахтина о природе слова, «которое всегда хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробивается всё дальше и дальше (неограниченно)» (Бахтин, 1979: 306).

У. Эко в «Откровениях молодого романиста» чётко определяет себя как постмодерниста: «С самого начала я знал (и честно признал это в “Заметках на полях “Имени розы”): чем бы ни был постмодернизм, я пользуюсь как минимум двумя типичными для него приёмами. Первый – интертекстуальная ирония, то есть либо прямое цитирование, либо наличие в тексте узнаваемых (в большей или меньшей степени) ссылок на прочие известные тексты. Второй приём — метанарратив, то есть мысли и идеи, которые несёт в себе текст как таковой, когда автор напрямую говорит с читателем» (Эко, 2013). Этот подход и лёг в основу выбора имени для книги.

Писатель не сразу пришёл к нынешнему наименованию книги. Поначалу он хотел назвать «Аббатство преступлений», но, как он пишет в «Заметках на полях “Имени розы”», «такое заглавие настраивало читателей на детективный сюжет», а этого автору не хотелось. Потом он решил назвать роман «Адсон из Мелька», потому что этот герой нейтрален, стоит в стороне, а для постмодернистов очень важно дезориентировать читателя. Но и это показалось слишком простым, оно не заставит читателя ломать голову. И тогда он вставил в конце романа строки из поэмы бенедиктинского монаха XII века Бернарда Клунийского (Морланского) «De contemptu mundi»: «Stat rosa pristina nomine, nomina nudatenemus» (Bernardus, 2009). Этот отрывок

первоначально был переведён на русский язык несколько коряво: «Роза при имени прежнем, с нагими мы впредь именами». Позже Д.В. Сильвестров этот латинский текст перевёл понятнее: «Роза – не прежняя: имя порожнее нам лишь осталось». Ю.М. Лотман даёт прозаический перевод этого отрывка: «Роман Умберто Эко начинается цитатой из Евангелия от Иоанна: “В начале было Слово” – и кончается латинской цитатой, меланхолически сообщающей, что роза увяла, а слово “роза”, имя “роза” пребыло» (Лотман, 1998: 668).

Сам Умберто Эко так объяснял выбор названия: «Автор, назвавший свою книгу “Имя розы”, должен быть готов столкнуться с множественными интерпретациями этого названия. Как эмпирический автор, я написал (в “Заметках”), что выбрал это название, чтобы дать читателю простор для фантазии: “Роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет <...>”» (Эко, 2013). В «Заметках» он продолжает: «Название, как и задумано, дезориентирует читателя. Он не может предпочесть какую-то одну интерпретацию. Даже если он доберётся до подразумеваемых номиналистских толкований последней фразы, он все равно придёт к этому только в самом конце, успев сделать массу других предположений. Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их <...>» (Эко, 2005а).

Умберто Эко упоминает о номиналистических толкованиях, отсылая к спору между реалистами и номиналистами в Средние века. Номиналисты (французский философ и теолог Иоанн Росцелин (ок. 1050 – ок. 1120), шотландский теолог Иоганн Дунс Скот (ок. 1261-1308) и др.) доказывали, что общие понятия суть не более чем звуки человеческого голоса; реально лишь единичное, а общее – только иллюзия, не существующая даже в человеческом уме (Неретина, Огурцов, 2006).

Этим же текстом Бернарда К्लюнийского занимался и нидерландский философ, историк, исследователь культуры Йохан Хёйзинга, который обнаружил, что в ранних списках *De contemptu mundi* вместо *rosa* читается

Roma (Рим), т.е. изначально фраза была очередным понятным указанием на то, что от Рима Юлия, Цицерона и Катона осталось одно название (Хёйзинга, 1988). Получается, что в постмодернистский контекст ввёл всех кто-то из давних переписчиков поэмы, который своей опиской запутал читателей, дезориентировал их, чем воспользовался У. Эко, сделав эту описку названием книги.

Само название цветка розы с давних веков символично, мифологично, полифонично, многозначно. И такое название романа стало тоже стилистическим приёмом У. Эко с целью усилить его фасцинацию и прагматику, переплести информацию с развлечением (infotainment). Вот почему мы решили назвать наши лингвистические размышления – эссе «Имя розы – книголюбие».

Ссылки – References in Russian

Бахтин, 1979: 306 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1979. – 414 с.

Ерохина, 2012 – *Ерохина Л.А.* Категория автора в творчестве Умберто Эко: Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература) / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2012. – 18 с.

Залевская, 1988: 7 – *Залевская А.А.* Понимание текста: психолингвистический подход. – Калинин: Изд-во КГУ, 1988. – 95 с.

Залевская, 2014 – *Залевская А.А.* Что там – за словом?: Вопросы интерфейсной теории значения слова. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 328 с.

Иванов, 1988 – *Иванов Вяч. В.* Огонь и роза: Введение к «Имени розы» // Иностранная литература. – 1988. № 8. – С. 3–7.

Костюкович, 1982 – *Костюкович Е.А.* [Рец. на кн.] Умберто Эко. Имя розы // Современная художественная литература за рубежом. – 1982. № 5. – С. 40-47.

Костюкович, 1998 – *Костюкович Е.А.* Орбиты Эко // Эко У. Имя розы. – СПб.: Symposium, 1998. – С. 645–649.

Крупенина, 2005 – *Крупенина Е.В.* Философская проблематика в романах Умберто Эко: Автореф. дис. <...> канд. филос. наук. 09.00.03 – История философии / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2005. – 38 с.

Лозинский 1986: 275 – *Лозинский С.Г.* История папства. 3-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 382 с.

Лотман, 1989 – *Лотман Ю.М.* Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. – М: Книжная палата, 1989. – С. 468–481.

Лотман, 1998 – *Лотман Ю.М.* Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. – СПб.: Symposium, 1998. – С. 650–669.

Мальчуков, Мальчукова, 2013 – *Мальчуков В.А., Мальчукова Н.В.* Логико-семиотические условия обновления позднесредневекового европейского мировоззрения (по материалам романа У. Эко «Имя розы») // Известия Байкальского гос. ун-та. Серия: Философия и методология. 2013. №2 (88). – С. 129–135.

Матьяш, 2014 – *Матьяш О.И.* Плюрализм в современной науке о коммуникации: диалог подходов и традиций // Коммуникология. – 2014. Т. 5. № 3. – С. 63–78.

Мачужак, 2006 – *Мачужак А.В.* Язык и культура в философии Умберто Эко: Автореф. дис. <...> канд. филос. наук. 09.00.03 – История философии / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006. – 18 с.

Межличностная коммуникация, 2011 – *Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погорьша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая / Под науч. ред. О.И. Матьяш.* СПб.: Речь, 2011. – 560 с.

Неретина, Огурцов, 2006 – *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Пути к универсалиям. – М.: Изд-во РХГА, 2006. – 1000 с.

Носачев, 2009 – *Носачев П.Г.* Пределы интерпретации текста как ключевая проблема концепции Умберто Эко: Автореф. дис. <...> канд.

филос. наук. 24.00.01 – Теория и история культуры / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2009. – 20 с.

Олдингтон, 1983 – *Олдингтон Р.* Все люди – враги. – М.: Правда, 1983. – 560 с.

Сидякин, Соловьёв, 2013: 34 – *Седякин В.П., Соловьёв И.В.* Философия гаджетов // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. №23(166). Вып. 26. – С. 34–40.

Сидорская 2008 – *Сидорская И.В.* Теория коммуникации. – Минск: Изд-во БГУ, 2008 – 160 с.

Хёйзинга, 1988 – *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. – М.: Наука, 1988. – 544 с. (Памятники исторической мысли)

Шаховский, 2014 – *Шаховский В.И.* Креатемы как индикатор бесконечных потенциалов языкового развития // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. № 2. – С. 162–171.

Эко, 1988 – *Эко У.* Имя розы // Иностранная литература. – 1988. № 8. – С. 3-88. – № 9. – С. 81-175. – № 10. – С. 47–87.

Эко, 1989 – *Эко У.* Имя розы. Роман / Пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Книжная палата, 1989. – 494 с. (Серия «Детектив-2»)

Эко, 1989а – *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» // *Эко У.* Имя розы. / Пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 427–467.

Эко, 2005 – *Эко У.* Роль читателя: Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и ит. С. Серебряного. – СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с.

Эко, 2005а – *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» / Пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 96 с.

Эко, 2013 – *Эко У.* Откровения молодого романиста / Пер. с англ. А. Климина. – М.: Corpus, 2013. – 320 с.

Ювенал, 1989 – *Ювенал Сатиры.* / Пер.Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского // Римская сатира. – М.: Худ. лит., 1989. – С. 241-340.

Bernardus, 2009 – [*Bernardus Morlanensis*]. *De contemptu mundi: Une vision du monde vers 1144* – Bernard le Clunisien. Texte latin, introduction, traduction et notes par André Cresson. – Turnhout: Brepols Publishers, 2009. (Témoins de notre histoire)

Weidermann, 2008 – *Weidermann V. Das Buch der verbrannten Bücher.* – Köln: Kiepenheuer und Witsch, 2008. – 253 S.

References

Bakhtin, M.M. (1979) *Aesthetics of Verbal Creativity*. 2nd edition, M., Art. 414 p. (in Russian).

Bernardus, M. (2009) *De contemptu mundi: Une vision du monde vers 1144* – *Bernard le Clunisien*. Texte latin, introduction, traduction et notes par André Cresson, Turnhout, Brepols Publishers (Témoins de notre histoire)

Eco, U. (1988) *The Name of the Rose* // *Foreign Literature*, No. 8, pp. 3–88, № 9, pp. 81–175., № 10. pp. 47–87. (in Russian).

Eco, U. (1989) *The Name of the Rose. Roman* / Translation from Italian by E. Kostyukovich, M., Book house. 494 p. (series " Detective-2»)

Eco, U. (1989a) *Notes on the Fields "Name of the Rose"* // Eco U. *The Name of the Rose.* / Translation from Italian by E. Kostyukovich, M.: Book house, pp. 427–467. (in Russian).

Eco, U. (2005) *The Role of the Reader: Research on the Semiotics of Text* / Translation from English and Italian by S. Serebryaniy, SPb., Symposium; Moscow, Publishing house of RGGU. 502 p.

Eco, U. (2005a) *Notes on the Fields "Name of the Rose"* / Translation from Italian by E. Kostyukovich, SPb., Symposium, 96 p. (in Russian).

Eco, U. (2013) *Revelations of a Young Novelist* / Translation from English by A/ Klimin, M., Corpus. 320 p. (in Russian).

Erokhina, L.A. (2012) *The Category of the Author in the Work of Umberto Eco: Author's Abstract of Dis. <...> of the Candidate Philol. Sciences. 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries (Western European literature) / Mosc. Ped. State Univer, M., 18 p. (in Russian).*

Huizinga, J. (1988) *Autumn of the Middle Ages: the Study of Life Patterns and Forms of Thinking in the XIV and XV centuries in France and the Netherlands / Translation from Dutch of D. V. Silvestrov., M., Science. 544 p. (Monuments of historical thought) (in Russian).*

Interpersonal Communication: Theory and Life (2011) / O.I. Matyash, V.M. Pogol'sha, N.V. Kazarinova, S. Bibi, Zh.V. Zaritskaya / Ed. by O. I. Mat'yash. SPb.. Speech. 560 p. (in Russian).

Iuvenalis, (1989) *Satires / Translation by D.S. Nedovich and F. A. Petrovsky // Roman satire, M., Belletristic Literature, pp. 241–340. (in Russian).*

Ivanov, V.V. (1988) *Fire and Rose: Introduction to the "Name of the Rose" // Foreign literature, No. 8, pp. 3–7. (in Russian).*

Kostyukovich, (1982) [book review] *Umberto Eco. The Name of the Rose // Contemporary Literature Abroad, No. 5, pp. 40–47. (in Russian).*

Kostyukovich, E.A. (1998) *Eco's orbits // Eco U. The Name of the Rose, SPb., Symposium, pp. 645-649. (in Russian).*

Krupenina, E.V. (2005) *Philosophical Problems in Novels by Umberto Eco: Author's Abstract of Dis. <...> of the Candidate Philos. Sciences. 09.00.03 – History of Philosophy / Russian State Humanit. Univer. M., 38 p. (in Russian).*

Lotman, Yu.M. (1989) *The Exit from the Labyrinth // Eco U. The Name of the Rose, M., Book house, pp. 468–481. (in Russian).*

Lotman, Yu.M. (1998) *The Exit of the Labyrinth // Eco U. The Name of the Rose, SPb., Symposium. pp. 650–669. (in Russian).*

Lozinsky, S.G. (1986) *History of the Papacy, 3rd edition, M., Politizdat. 382 p. (in Russian).*

Machuzhak, A.V. (2006) *Language and Culture in Umberto Eco Philosophy: Author's Abstract of Dis. <...> of the Candidate Philos. Sciences.* 09.00.03 – History of Philosophy / Tver. State University. Tver. 18 p. (in Russian).

Malchukov, V. A., Malchukova N.V. (2013) Logico-Semiotic Conditions of Updates of Late Medieval European Worldview (according to the Materials of the Novel by Umberto Eco "The Name of the Rose") // *Proceedings of Baikal State University. Series: Philosophy and Methodology* № 2 (88) pp. 129–135. (in Russian).

Matyash, O.I. (2014) Pluralism in Contemporary Communication Science: a Dialogue Approaches and Traditions // *Communicology*. Vol. 5. No. 3. pp. 63–78. (in Russian).

Neretina, S.S., Ogurtsov A.P. (2006) *The Road to Universals*, M., Publ. House of Russian Christian Humanities Academy. 1000 p. (in Russian).

Nosachev, P.G. (2009) *The Limits of Interpretation of the Text as a Key Problem of the Concept of Umberto Eco: Author's Abstract of Dis. <...> of the Candidate Philos. Sciences.* 24.00.01 – Theory and History of Culture / Mosc. Ped. State Univer, M. 20 p. (in Russian).

Oldington, R. (1983) *All Men Are Enemies*. M.: Truth. 560 p. (in Russian).

Sedyakin, V.P., Solovyov I.V. (2013) Philosophy of Gadgets // *Scientific Sheets of Belgorod State University* Series: Philosophy. Sociology. Right, №23 (166), Vol. 26, pp. 34–40. (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (2014) Createmy as an Indicator of the Infinite Potentials of Language Development // *Ecology of Language and Communicative Practice*, No. 2, pp. 162–171. (in Russian).

Sidorskaya, I.V. (2008) *Theory of Communication*, Minsk, Publishing house of BSU. 160 p. (in Russian).

Weidermann, V. (2008) *Das Buch der verbrannten Bücher*, Köln: Kiepenheuer und Witsch. 253 S.

Zalevskaya, A.A. (1988) *Understanding of the Text: Psycholinguistic Approach*, Kalinin, Publishing house of KSU. 95 p. (in Russian).

Zalevskaya, A.A. (2014) *What's Behind the Word?: Questions of the Interface Theory of Word Meaning*, M., Direct Media. 328 p. (in Russian).